

Доц. С. Л. МАРГОЛИН

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ СРЕЛЕЦКОГО ВОЙСКА В XVII В.

Стрельцы заслуживают внимания и изучения на двойном основании. Во-первых, они были одним из важнейших составных элементов русской военной организации XVI—XVII вв. Вопросам истории военного дела и военной организации в нашей стране наука должна уделить большое место. В работах товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос» и «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (тезисы и доклад на X съезде партии)¹ установлено, как велико было значение потребности в обороне в процессе складывания централизованных государств в Восточной Европе. Русское государство XVI—XVII вв. по-своему, оригинально и своеобразно, решало задачи организации военных сил. Между тем военное искусство и формы военного устройства этой эпохи еще очень мало изучены в нашей литературе. А без этого нельзя полностью выяснить и картину развития замечательного русского военного искусства XVIII века — века Петра I, Румянцева и Суворова. Настоящая работа касается одного из тех вопросов, которые необходимо должны быть исследованы для научного построения военной истории Русского государства XVI—XVII вв. Во-вторых, стрельцы были не только частью военных сил Московского государства. Они сыграли крупную роль в жизни города той эпохи, классовой борьбе посадских людей, в крупных событиях внутренней политической истории XVII века. И в этой связи изучение экономических условий их существования, организации их службы и размещения совершенно необходимо.

Образование постоянного войска в виде, прежде всего, вооруженной огнестрельным оружием пехоты представляет собой весьма существенное событие в истории складывания централизованных государств. Таким войском явились в истории Московского государства стрельцы.

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. II, стр. 303—304 и т. V, стр. 15—16 и 33—34.

Как было показано автором настоящей работы в другом месте, стрелецкое войско впервые возникло в 1550 г.¹ Его образование — одна из важнейших реформ 1550-х годов, и следует пожалеть, что до сих пор ей не отводится должного места в общих обзорах и оценках этого периода в нашей литературе и учебных пособиях. Не случайно стрельцы появились как раз в те годы, которые составляют очень важный рубеж во внутреннем и внешнем развитии Русского государства, в годы, когда был проведен ряд крупнейших мероприятий по перестройке и развитию всего аппарата центрального и местного управления, дипломатической службы и военного дела, податной системы и церковного устройства. Стрельцы явились первым *постоянным* войском в истории России. В отличие от феодального дворянского ополчения они были правильно организованы в десятки, сотни и полки — «приказы» (самое первое название этих полков — «приборы») одинаковой численности; они были единообразно вооружены и поселены компактными массами в городских или пригородных слободах². Они, несомненно, очень существенно увеличили военные ресурсы правительства Ивана IV. В отличие от дворянской конницы они в любой момент находились под рукой, их не нужно было собирать по поместьям и вотчинам. А народное восстание, разразившееся в Москве в 1547 году — восстание, которым было сметено боярское правление и вызвана решительная перегруппировка сил в правящих кругах, отклики этого восстания в провинции, несколько более раннее движение среди пищальников в Коломне (1546 г.) и многое другое делали для правительства Ивана IV вопрос о создании более гибкой и мобильной, чем дворянская конница, постоянной военной силы вопросом весьма актуальным. Новое войско должно было, прежде всего, служить средством укрепления власти господствующего класса в условиях обострившейся классовой борьбы. К тому же и серьезные внешнеполитические задачи, вставшие в эти годы перед Московским правительством, задачи крупнейшего общенационального исторического значения — стремление объединить вокруг Московского государства основные территории Восточной Европы и их население, чтобы получить выходы к морям, чтобы сломить хищнические татарские ханства и успешно противостоять опасной турецкой агрессии и захватническим планам западных держав — требовали увеличения военных сил и придания им большего разнообразия и более высокого качества.

В отличие от Западной Европы, наемные профессиональные отряды, вербуемые кондотьерами и переходящие на службу от одного государя к другому, в России никогда не имели сколько-нибудь крупного значения. Постоянное войско здесь сложилось

не из этих элементов, а как наследственная по характеру своей службы и национальная по своему составу и масштабу категория служилых людей, непосредственно подчиненных центральной власти. Оно появилось здесь раньше, чем в большинстве стран Западной Европы, где постоянные войска возникают, главным образом, в эпоху тридцатилетней войны. Как по своей насыщенности огнестрельным оружием, так в некоторых отношениях и по своей организации стрелецкое войско в определенное время опережало пути развития западно-европейской пехоты¹. Стрельцы все сплошь с самого начала вооружены ручным огнестрельным оружием. Среди них нет того подразделения на мушкетеров и пикинеров, которое было типичным для западно-европейской пехоты того времени.

Те организационные формы, в каких возникло стрелецкое войско в середине XVI в., сохранились в своей основе и в следующем столетии.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть основные условия существования стрельцов, их социальный состав и социальные связи. Это делается на основе, главным образом, материалов XVII столетия, в большинстве своем архивных. В работе использованы неизданные писцовые и переписные книги стрелецких слобод, столбцы и книги Разрядного приказа и др.

Стрелецкое жалование

С самого начала существования стрелецкого войска содержание его казенным жалованием было одной из основных черт в его устройстве. Так называемый 2-й Хронограф, в котором находится известие о возникновении стрелецкого войска в 1550 г., сообщает, что стрельцам было назначено жалование, равное 4 руб. в год. В дальнейшем стрелецкое жалование известно то как денежное, в сочетании с хлебом, то с сохранением формального различия этих двух его видов, но с выплатой «за хлеб деньгами», т. е. переводом натуральной части в денежную, то в соединении с земельным верстанием. Размеры жалования колеблются в известных, хотя и не очень широких, пределах, в зависимости и от времени и от места, причем, однако, различие между городскими и московскими стрельцами оказывается очень значительным. В середине и во второй половине XVII в. московские стрельцы, пятидесятники, десятники и рядовые получали в год по 7, 6 и 5 руб., по 9, 8³/₈, 7³/₄ четверти ржи и по столько же овса². У городских стрельцов в XVII в. чаще всего встречаются оклады в 3¹/₂, 3¹/₄ и 3 руб., 7, 6¹/₂, 6 четвертей ржи, «овса по тому ж» — для тех же трех чинов соответственно. Но далеко от истины мнение, встречающееся в литературе³, о существовании единообраз-

¹ «Начало стрелецкого войска», в «Ученых записках кафедры истории СССР МОПИ» вып. 1, 1939.

² Первая стрелецкая слобода была образована в царском селе Воробьево под Москвой (теперь Ленинские горы).

¹ См. об этом мою статью «Вооружение стрелецкого войска» в «Трудах» Гос. исторического музея, вып. XX, 1948.

² См., например, Акты Археологической Экспедиции, IV, стр. 347.

³ Родиславский, «Стрельцы» («Москвитянин», 1850, № 1); Шпатовский «Стрельцы» (журнал Министерства нар. просв., 1898, № 9).

ных окладов: их не было ни в какой период истории стрелецкого войска; за исключением, может быть, самого начального момента. Факты замены хлебного жалования деньгами по «указной» или по местной «торговой» цене упоминаются в источниках нередко. Встречается ссылка на указ 1665 г., трактующий об этом в общей форме. Он предписывал годовое денежное жалование давать городовым стрельцам из таможенных и кабацких доходов (т. е. наиболее верного и полного местного источника) «без московские волокиты, по вся годы..., а в которых городех есть сборный хлеб и в тех городех давать жалование хлебом, а где хлеба мало в сборе, и тут давать хлебом половина и за другую половину деньгами, а в которых городех хлеба нет, и за хлеб давать деньгами по указной цене»¹.

Попробуем произвести сравнительную оценку стрелецкого жалования. Для второй половины XVII в. стоимость натурального части жалования рядовых стрельцов московских приказов можно считать равной 4 р. 07 коп.², десятников — 4 р. 46 коп., пятидесятников — 4 р. 63 коп. В Белеве в 1697 г. стрельцам вместо полагающихся им здесь 6 четвертей ржи прибавлялось деньгами 25 алт. 3 д., что составляло вместе с основным денежным жалованием 3 руб. 3 д.³. Последняя сумма представляет собой один из низших провинциальных окладов. Сопоставим полученные данные с жалованием иных разрядов ратных людей; для этого лучше всего взять солдатские полки, как наиболее близкие к стрельцам. Согласно сметным спискам 1663 г.⁴, подтверждаемым и другими данными, солдатам идет от 4 до 10 денег на день. Если рассчитать на день стрелецкое денежное жалование, то для рядовых московских стрельцов получим около 2³/₄ денег, а хлебное дает еще приблизительно 2 д. Таким образом максимальный стрелецкий оклад оказывается несколько превышающим минимальный солдатский, но значительно уступающим высшему солдатскому. Провинциальный Белевский оклад, дающий менее 2 д. на день, далеко отстает от солдатского жалования. Эти данные определяют имущественное положение стрельца, поскольку оно создавалось жалованием, по отношению к другим ратным служилым людям, чья служба, как и стрелецкая, вознаграждалась не земельным верстанием, а денежным окладом.

Но нам интересно взглянуть на стрелецкое жалование и с точки зрения другого сопоставления — с имущественным положением посадского населения, среди которого жили стрельцы, с которым они так тесно соприкасались. Пользуясь подсчетами Дов-

нар-Запольского¹, мы можем дневной заработок москвича-ремесленника принять равным 6—10 деньгам, что при 250 рабочих днях в году, принимаемых указанным автором, дает от 7¹/₂ до 12¹/₂ руб. в год.

Получается цифра, весьма близкая к сумме денежного и натурального жалования в московских стрелецких полках. Правда, на посадских людей падала вся тяжесть «государева тягла» — податей и повинностей, от которых были свободны стрельцы. Это создавало очень существенную разницу между бюджетом рядового посадского человека и бюджетом стрельца. Но не будем и преувеличивать значения стрелецкой льготы: она связана была со службой, а несение этой последней с большими, хотя и нерегулярными, затратами. Можно думать, поэтому, что значительно подняться выше уровня материального положения основных слоев посадского люда стрелец мог, лишь развивая в дополнение к своей службе торговую или промысловую деятельность.

Следует также отметить явление, значение которого мы попытаемся раскрыть ниже: исчезновение или уменьшение к концу XVII в. разницы между окладами рядовых, десятников и пятидесятников.

Представление о жаловании стрельцов было бы неполным, если бы мы не коснулись различных экстраординарных и единовременных выдач, перепавших на их долю. Основные виды этих выдач следующие: 1) новоприборным, 2) на дворы, 3) на обзаведение хозяйственным инвентарем, 4) «для службы», 5) за посылку с вестями и отписками, 6) за «полонное терпение» и раны, 7) за «царское провожание». Первые два вида часто сливаются воедино, но встречаются и отдельно: случалось, что новоприборные стрельцы получали особую денежную сумму на первоначальное устройство, хотя и селились на готовых дворах, и, напротив, выдачи на «дворовое строение» приходилось нередко давать старым стрельцам, размещенным ранее вне стрелецкой слободы, переводимым в другой город, погоревшим и т. д. На дворы давали чаще всего по рублю. Примером выдачи на хозяйственное обзаведение может служить «государево жалование на лошади к пашне, по 1¹/₂ рубли человеку, да на семена к пашне же по чети ржи, по чети овса», данное ядринским стрельцам в 1614 г., видимо, при переводе их на службу с земли². Экстраординарные выдачи за отдельные службы встречаются в документах весьма часто. Таковы, например, выдача новгородским стрельцам «для немецкой службы» полтины человеку в 1555 г., выплата в 1661 г. крупных сумм московским стрельцам, посланным на Украину, или в 1678 г. брянским стрельцам «для Чигиринской службы»³. От этих выдач целым

¹ Центральный Государственный Архив Древних Актов (ЦГАДА). Разр. Приказ. Столбцы Белг. ст. № 643.

² Беру вены ржи и овса по Ключевскому, Русский рубль, стр. 170—171.

³ ЦГАДА. Разр. приказ столбцы Севск. ст. № 445.

⁴ С. Б. Веселовский и, Сметы военных сил Московского государства, 1661—1663.

¹ «Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв.» («Москва в прошлом и настоящем»).

² Акты Исторические, III, стр. 418.

³ Дополнение к Актам Историческим, I, стр. 128, АМГ., III, стр. 334 — 360, РИБ, стр. 8 и др.

стрелцким приказам, гарнизонам или служебным очередям следует отличать суммы, приходящиеся на долю небольших стрелцких партий или единичных стрельцов, приезжающих с суенчем или воеводской отпиской или выполняющих другие поручения. В некоторых случаях вместо таких выдач мы встречаем выплату суточных кормовых денег¹.

Все эти выдачи вряд ли существенно улучшали имущественное положение стрельцов, так как рассчитаны были на покрытие расходов.

В связи с жалованием следует также затронуть, насколько позволяет место, важный вопрос о снабжении стрельцов продовольствием во время «полковой» службы. Самоснабжение стрельцов, как и других ратных людей, оставалось в XVII в. общим правилом, каким было и в предыдущем столетии. Об этом свидетельствует гл. VII Соборного Уложения. Но на практике, в условиях тех войн, которые вело Московское государство при царях Алексее и Федоре Романовых, вопрос о доставке войску продовольствия и принятии провиантирования на казенный счет, неизбежно поднимался. По крайней мере известно, что во время русско-польской войны 1654—1667 гг., когда русские войска действовали на территории Белоруссии и Литвы, стрельцам, находившимся в этих местах, посылалось продовольствие из «государевых хлебных запасов», с выдачей его частично по указной цене или в зачет хлебного жалования, а частично безденежно и без зачета². Но в те же годы стрельцы, стоявшие в г. Белом, жалуясь в своей челобитной, что уездные люди «с хлебом и со всяким харчем» не приезжают в Белый, а в уезде ничего не продают на медные деньги, просят не о присылке продовольствия из казны — на это, видимо, рассчитывать нечего — а лишь об установлении торговых дней и повелении уездным людям съезжаться в город³. В 1678 г. брянские стрельцы, жалуясь на многообразные службы и повинности, указывают, что на службу в «малороссийские города» они ходят «со своими хлебными запасами без подмоги»⁴. Челобитчикам, следовательно, в это время известна, как возможность, и служба без всяких запасов и служба с подмогой из казны.

Отметим также регулярную выдачу стрельцам сукон. Котшихин по этому поводу сообщает, что московским стрельцам сукна выдаются ежегодно, а городовым раз в 3—4 года. Встречаются указания и на посылку в некоторых случаях стрельцам, находившимся в полковой службе, теплых тулупов на зиму.

Наряду с фактами перевода натуральной части стрелцкого жалования на деньги, известно и другое явление: замена хлебного жалования землей. Иногда земельное верстание прямо рассматривается как эквивалент натуральной части стрелцкого жалования. Такой характер, возможно, и носило раньше всего это верстание. Но, по крайней мере, в XVII в., мы знаем и таких стрельцов, которые служат только с земли, без какого-либо жалования¹.

Расходы на содержание стрелцкого войска были несомненно очень значительны. Показательно, что крупнейший прямой налог XVII в. именовался стрелцкой податью. В Московских правительственных кругах, видимо, не раз возникала мысль о полной или частичной замене стрелцкого жалования землей. В одной из пометок на полях росписи Новгородской Чети 1647 г.² и в приложенной к ней грамоте указано выяснить, нельзя ли псковских и ладожских стрельцов устроить вместо жалованья землями, как казаков, причем сделана ссылка на то, что «в Замосковных и в Польских и в Украинных городах... стрельцов... велено вместо денежного и хлебного жалования устроить землями вновь из пустых, из порозжих и из оброчных земель» в пределах 10 верст от городов. Намеченное мероприятие осуществлено не было: до самого конца стрельцы в Пскове, Новгороде и их пригородах служили с жалованья, а не с земли. Но позднее возникает вновь аналогичный проект, задуманный еще в большем масштабе. Приговор Боярской Думы от 25/VII 1681 г. гласил: «Севского и Новгородского разряда стрельцов, которые служили с денежного жалования, устроить землями, и служить им впредь с тех земель без жалования». Годом позднее, указом 30/III 1682 г., эта мера была распространена и на разряды Владимирский, Смоленский и Белгородский и было предписано, для того, чтобы подыскать стрельцам земли, описать в 5 верстах от городов и больше «стрелецкие и казацкие и пушкарские проезжие и оброчные и иные всякие пустовые земли», а также и «помещиковы и вотчинниковы и монастырские и церковные и посадских и жилецких и иных чинов людей земли». Выражалось намерение стрельцов этих разрядах устроить землей «всех до одного человека». Призывая стрельцов самих приискывать себе земли и предвидя их нежелание перейти на новое положение, указ сулит им жалование «на строение и на завод» и даже обещает, что они «станут жить всегда в домах и на службы никуда им посылки не будет»³. Перевод стрельцов с жалования на землю был, очевидно, задуман в очень широких размерах, но осуществлен он столь полно никогда не был.

¹ Обычно (во второй половине XVI в.), десятнику по 1 алт., рядовым по 4 д. на день.

² Акты Московского Государства, II, стр. 358; III, стр. 403, 426; АИ, IV, стр. 270.

³ ЦГАДА, Разр. Пр. Столбцы Моск. ст. № 314.

⁴ Там же, Столбцы Новг. ст. № 202.

¹ См., напр., смету воен. сил Моск. гос. 1632, изд. Сташевским в Военно-Историч. Вестнике, 1910, № 9, 10.

² Доп. АИ, III, стр. 119—137.

³ Разр. Пр. Ст. Белгор. ст. 1019.

Как велико было общее количество пашенных стрельцов? По подсчету, произведенному Бриксом для 1636 г. из 110 городов, в которых в это время находились стрельцы, они имели пашенные наделы только в 35 (преимущественно в южных областях) причем в некоторых городах только часть стрельцов содержалась этим способом. Из общего числа 23500 городских (не считая московских) стрельцов, земель было поверстано только немного более 3000, т. е. около 12—13%. Но основания для выкладки Брикса, ссылающегося на разрядные книги 1636 г., не ясны. Вызывает некоторые сомнения отсутствие в его списке такого города, как Переяславль Рязанский, где слобода пашенных стрельцов известна еще для 1596—1598 гг. Если Брикс и не ошибался, то, во всяком случае, позднее, число городов с пашенными стрельцами значительно увеличилось. К тем, которые указаны у этого автора, я могу, по крайней мере, для второй половины XVII в. прибавить еще около 40: думаю, что и в таком виде список будет не полон¹. Несомненно, что большинство городских стрельцов, не говоря уже о московских, остается на старом положении до самого конца, т. е. служит с жалования, а не с земли. Но все же, видимо, в течение XVII в. происходил существенный прирост числа стрельцов, поверстанных земель.

Попытаемся дать представление о различных видах стрелецкого землевладения и о той дифференциации в стрелецкой среде, которая могла происходить в этих условиях. Начнем с пашенных наделов². Мы встречаем оклады верстания в 10 ч. пятидесятникам, 9 ч.—десятникам и 8 ч.—рядовым «в поле, а в двух потому ж», но они никогда не имели значения повсеместной нормы. Встречаются и иные оклады при одинаковых оценках качества земли, насколько возможно сопоставление этих оценок для разных местностей. Не всегда выдерживается различие между окладами пятидесятников, десятников и рядовых. Вообще можно, кажется, констатировать его исчезновение к концу XVII в., что напоминает аналогичное наблюдение, сделанное над окладами денежного жалования. Другое и весьма любопытное явление, наблюдаемое в некоторых городах в конце XVII в.,— это выделение среди пашенных стрельцов известной группы лиц, обычно небольшой, земельные владения которых отличаются от остальных и по величине, и по местонахождению, и по характеру. Это выделение части стрельцов не связано с каким-либо служебным чином. Приведу несколько примеров: в Верхососенске в 1697 г., 10 человек, из общего числа 98 стрельцов, вместо обычной стрелецкой дачи в 8 четв. земли

в поле, владеют: один — 30 четв. «поместной земли», другой — 19 четв. «подгородной земли», а третий, наряду с 8 четв. «стрелецкой земли в гордском поле» еще — 20 четв. «поместной земли в селе Раздорном» и т. д.¹ Такая же картина вырисовывается в сказках 110 стрельцов Яблонова. Среди них 7 чел. имеют сравнительно крупные владения вне стрелецких полей, сохраняя иногда за собой и стрелецкие 8 четв.² Во всех этих случаях лица, выделяющиеся размером своих владений, продолжают нести стрелецкую службу, но сказки стрельцов г. Усерды (того же 1697 г.) показывают, что следствием такого владения мог быть и полный отрыв от «стрелчества». Тут в 12 сказках из общего числа 67 стрелецкая земля и даже дворы значатся сданными тому или иному лицу, и вместо них указано владение поместной землей и проживание на ней. Все податели этих 12 сказок продолжают именовать себя стрельцами, десять из них говорят о себе, по общей форме, что служат стрелецкую службу; двое, однако, выделяются: они служат «городовую службу с поместья, с детьми боярскими»³. Таким образом, мы наблюдаем в некоторых местах такую дифференциацию среди пашенных стрельцов, которая приводит к выделению небольшой части их в качестве более крупных землевладельцев, хотя и не превратившихся еще в владельцев крестьянских дворов, но сблизившихся с городским казачеством или мелкопоместными детьми боярскими городов службы. В других пашенных стрелецких слободах мы можем наблюдать расслоение; развивающееся в другом направлении и с иными результатами: часть стрельцов оказывается вовсе лишенной земли. Так обстоит дело в Коротояке в 1697 г.: земельные наделы там вообще невелики, их обычный размер всего 5 четв., но в одном случае указано всего 2½ ч., а в 65 случаях из общего числа 99 податель сказки утверждает: «пашенной земли и никаких угодий и оброчных статей и промыслов за мною нет, а великому государю службу не с денежного и хлебного годового государева жалования»⁴. Стрельцы оставляют нас в таких случаях в полном неведении относительно своих средств к существованию и поддержанию служебной годности. Можно только предположить, что они служили и кормились с тех земельных дач, которые указаны в остальных сказках, входя в состав семейств или населения дворов их владельцев. Помимо Коротояка мы сталкиваемся в меньшем размере — с подобными явлениями⁵ и в других местах.

Но отнюдь не всюду развились явления, отмеченные выше. По многим городам стрелецкие сказки конца XVII в. представ-

¹ См. сметы 1661—1663 гг. издан. Веселовским, и стрелецкие сказки 1697—1700 гг. Разр. Приказа (ЦГАДА).

² Нами использованы писцовые книги стрелецких слобод фонд МАМЮ, ЦГАДА и стрелецкие сказки об имуществе, семейном положении и промыслах, собранные с них в конце XVII в.

¹ ЦГДА. Разр. Пр. Белг. ст. № 1614.

² Разр. Пр. Ст. Белг. ст. № 1596.

³ Разр. Пр. Ст. Белг. ст. № 1581.

⁴ Разр. Пр. Ст. Белг. ст. № 1615.

⁵ См. Сказки стрельцов Мценска (разр. Пр. Ст. Прик. ст. № 225, 2013), Кром (Ст. Севск. ст. № 76), писц. кн. Шацка (фонд МАМЮ).

ляют собой вполне единообразное и монотонное перечисление одних и тех же условий¹.

Пашенным наделам сопутствовал отвод земли на выгон и сенокосы, и, местами, другие угодья, например, хоромный лес или рыбные ловли. Можно констатировать, что хотя и намечается тенденция установить оклад верстания стрельцов сенокосами, единообразие в этом отношении было осуществлено еще в меньшей мере, чем в отношении пашенных наделов, а наделение другими угодьями не определялось никакими общими нормами.

Что касается дворовых усадеб, то в этом отношении можно различить два типа стрелецких слобод: в одних мы встретим дворовые усадьбы совершенно одинаковые по размеру и даже по своему плану, в других, напротив, они сильно различаются между собой, так что наиболее крупные в 5—6 раз превышают по своей величине самые мелкие. Примеры слобод первого типа можно найти в Кашире по межевой кн. 1628 г., где «под всякими стрелецким двором дворового и огородного и гуменного места» $42 \times 6\frac{1}{2}$ саж., т. е. 273 кв. саж.² в Кромах, в 1640 г.³, где дворовые усадьбы занимают 120 кв. саж. каждая, в Яблонице 1640 г. и Перемышле в 1686 г. В двух последних местах дворовые участки настолько малы (28 — в первом и 49 кв. саж. во втором), что исключается сколько-нибудь значительное развитие приусадебного хозяйства. В слободах с дворовыми усадьбами разных размеров, например, в Шацке и Рязске (1686)⁴, некоторые из них превышают 1000 и даже 1500 кв. саж., тогда как существуют и усадьбы в 150—200 кв. саж. Никакой зависимости величины усадьбы от различий между рядовыми, десятниками и пятидесятниками по служебному чину во всех таких случаях усмотреть нельзя. Интересное наблюдение можно сделать, сопоставив писцовые книги Донковской стрелецкой слободы 1628 и 1641—1642 гг.⁵ В первой мы найдем дворовые усадьбы самых разных размеров, от 225 до 864 кв. саж. Через 13 лет слобода оказывается перестроенной. Вместо прежней пестроты в размерах и конфигурации участков, все они стали совершенно одинаковыми и расположенными с казарменно-лагерной правильностью. Каждый составляет 20×10 саж., т. е. 200 кв. саж., и дворы десятников следуют через каждые 9 дворов рядовых, в строго выдержанном порядке.

Таким образом в расположении и размерах стрелецких дворов сказывается стремление охватить стрельцов, в том числе и пашенных, единообразным войсковым устройством. Но все же большей частью это единообразие отсутствует. Оно нарушалось

и разбивалось силой социальной дифференциации, развивавшейся в стрелецкой среде. Обнаруживается тенденция к приобретению наибольшей частью стрельцов «феодалной собственности на землю»¹, которая должна была ввести их в состав господствующего класса.

Условия, в которых находились стрельцы, поверстанные земляки, еще менее, чем условия содержания и службы стрельцов, служивших с жалования, способствовали введению начал регулярной военной организации. Напротив, они влекли за собой известное сближение пашенных стрельцов с другими служилыми людьми, несшими с земли службу чисто феодалного типа. На пашенных стрельцов распространяется ряд черт из практики местного дворянского землевладения и службы.

Очень часто видим, что отцовская земля переходит к сыну, служба которого и рассматривается как замена отцовской, без всякого формального разбора или верстания. Характерны, например, такие выражения, встречаемые в стрелецких сказках: «стрелец Абрам Исаев сын Кудинов служит полковую стрелецкую очередную службу вместо умершего отца своего Исаея Кудинова; в прошлом 204 г. он умер и в дому остался Абрам и ни в какую службу не написан», причем земельный надел значит за ним такой же, как и за другими. Иногда стрелецкие сыновья начинают служить вместо умерших отцов малолетними («с семи лет», — читаем в одной мценской сказке), чтобы сохранить надел, несмотря на наличие в той же слободе большого числа неповерстанных взрослых сыновей или свойственников. Как поместья дворян, стрелецкие земли становятся объектом купли-продажи и переуступок, с переходом в таких случаях и связанной с ними службы. Такие сделки совершаются, видимо, без формальной санкции, но открыто, на глазах у ближайшего начальства и воевод.

Владельческие права стрельцов были наиболее определенными по отношению к дворовым участкам. Факты купли и продажи стрелецких дворов встречаются довольно часто, особенно, если прежний владелец сам купил или ставил свой двор без специальной денежной выдачи. Мы встречаем и факты отчуждения стрелецких дворов за долги.

Одним из последствий земельного верстания стрельцов была зависимость их служебной исправности от земледельческого хозяйства, что, разумеется, шло в разрез с стремлениями к регулярной организации стрелецкой службы. Естественно также тяготение стрельцов-земледельцев к пребыванию за пределами слободы и города, хотя, чтобы несколько парировать это центробежное влияние землевладельческих интересов, старались стрельцам земли отводить возможно ближе к самому городу.

¹ См. разр. Пр. Ст. Белг. ст. № 811 (Чугуев), № 1584 (Новосиль), 953 (Нов. Оскол) и др.

² ЦГАДА, п. кн. № 223.

³ Там же, п. кн. 117.

⁴ Там же, п. кн. № 225.

⁵ Там же, п. кн. № 117.

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 41.

Стрелецкая торговля и промыслы

Торгово-ремесленная деятельность стрельцов — явление хорошо известное как во второй половине XVI в., так и в XVII в.; она больше, чем другие стороны их жизни, обращала на себя внимание в исторической литературе. Но не делалось попыток учесть относительную роль стрелецкой торговли и промыслов на городском торге или внутри стрелецких коллективов определенной численности. А между тем писцовые книги и стрелецкие сказки Рязрядного Приказа дают возможность это сделать в целом ряде случаев. Размеры статьи не позволяют изложить весь материал, собранный по этому вопросу. Отмечу лишь основные наблюдения и выводы, пояснив их несколькими примерами.

Абсолютные размеры и относительное значение стрелецкой торговой и промысловой активности в городах оказываются весьма разными, причем неровная и пестрая картина вырисовывается как в XVI в., так и для всего последующего столетия. Уже в 1565 г. в Казани стрельцы заметны и в торговых рядах, и среди ремесленного населения. Представляя собой приблизительно $\frac{1}{3}$ всего мужского населения Казани, стрельцы с указанной в писцовой книге ремесленной профессией составляют около $\frac{1}{6}$ всех ремесленников, а среди владельцев разных торговых мест около $\frac{1}{8}$; их торговые предприятия платят $\frac{1}{16}$ всей суммы оброка, причитающегося с Казанского торга. Среди казанских стрельцов, судя по суммам оброка, налицо уже определенное имущественное расслоение, хотя оно еще не достигло больших размеров¹.

В Пскове и псковских пригородах Опочке, Острове, Гдове, Красном, судя по писцовым книгам 1585—1587 гг., роль стрельцов в торговле и ремесле — незначительна. Среди владельцев почти 1300 торговых мест Псковского торга стрельцы фигурируют не более 10—12 раз; в пригородах только 1—2 из сотни стрельцов владеют лавками; исключение составляет Себеж, где имеется значительная группа стрельцов-ремесленников². Небольшое место, занимаемое стрельцами в описании Тульского торга в писцовой книге 1588 г. (7 лавок из 262, 15 скамей из 118)³. Напротив, впечатление большой торговой активности стрельцов составляет Рязанская платежная книга 1595—1597 гг.: здесь на посаде стрельцам принадлежит более 25% торговых мест («городе» — меньше), причем их особенно много среди плательщиков оброка по средним и меньшим окладам⁴.

По книгам 1625—1626 гг. мы можем констатировать некоторый рост стрелецкой торговли в Туле и небольшое снижение ее относительного значения в Рязани; в обоих местах диапазон раз-

личий в ставках оброка, платимого стрельцами-торговцами, увеличился по сравнению с концом XVI в.¹

Нередко и в середине и во второй половине XVII в. роль стрельцов в торгово-ремесленной жизни посада оказывается очень скромной, иногда даже там, где, казалось бы, общие экономические условия должны были благоприятствовать развитию стрелецких промыслов. Так, в Великом Устюге в писцовой книге 1626 г. среди 103 лавок и амбаров встречаем всего лишь одну лавку стрельца да две лавки сотника². В Вязьме, обладавшей большим стрелецким гарнизоном, в 1627 г. было всего 3 стрелецких торговых места (лавка, скамья и столец) из общего числа 260³. В Ярославле в 1630 г. было 100 стрельцов, но среди владельцев 791 торгового места мы встречаем их только 5 раз, и то в мелочной торговле (2 полки и 3 скамьи, — ни одной лавки)⁴.

В 1697 г. в Новгороде из 451 стрельца приказов Вестова и мера, подавших сказки о своем имущественном и семейном положении, наибольшую группу составляют лица, которые, по своим заявлениям, «кормятся черной работой» (186 чел.), более 41%, в том числе несколько пятидесятников и десятников; на втором месте стоят сапожники (62 чел.), на третьем — плотники (44 чел.); затем портные (25 чел.), каменщики, рыболовы и т. д. Некоторые промышляют извозом, «площадным письмом», «малым торгом». Несколько человек явно выделяются имущественно, владея каждый несколькими лавками; а один из них ездит «за Свейский рубеж в Стекольный на своем карбасе» с своими и чужими товарами⁵.

Аналогичную картину дают Псковские сказки того же 1697 г.: Здесь процент промышляющих черной работой еще выше (59% в одном и 54% в другом приказе), затем идут сапожники, портные, плотники и другие ремесленники и мелкие торговцы. В 87 сказках из общего числа 654 или ничего не сказано о промысле или же прямо говорится, что «промыслу никакого нет»⁶. В собранных тогда же сказках со стрельцов Псковских пригородов вырисовывается иное положение вещей. В Гдове и Опочке стрельцы чаще всего (63—65%) утверждают, что никакого промысла у них нет, лишь немногие (4—8,5%) говорят о черной работе и один раз указывается ремесленная профессия⁷. В Ладоге 100 стрельцов в своей коллективной сказке заявляют, что кормятся жалованием, оговаривая, впрочем, что из них «промышляют малые люди харчевыми малыми торжишками»⁸. Все стрель-

¹ Материалы по истории городов, Тула. То же, Рязань.

² ЦГАДА, Писц. кн. № 508. В Устюге в это время было 50 стр.

³ Вяземская писц. книга.

⁴ Ярослав. Губ. Ведом. за 1861 г., № 1—45.

⁵ ЦГАДА, Разр. Пр. Ст. Прик. ст. № 1998.

⁶ Разр. Пр. Ст. Новгор. ст. № 240.

⁷ Разр. Пр. Ст. Новгор. ст. № 233 и 240.

⁸ Там же, Ст. Прик. ст. № 2025.

¹ Материалы по истории Тат. АССР, т. I.

² Сб. Моск. Арх. Мин. Юст., т. V.

³ Писц. книги Моск. гос., т. II.

⁴ Материалы по истории городов, Рязань.

цы Изборска, Порхова, Твери утверждают полное отсутствие за собой каких-либо промыслов, угодий и оброчных статей¹.

Думается, что в основном степень промысловой активности стрелецкой массы и ее местные вариации отображены в этих документах достаточно правильно. Недосказаны и утаены могли быть чаще всего мелкие промыслы, черная работа, спорадическая связь с рынком.

В Москве роль торговли и ремесла в стрелецкой среде была, несомненно, наибольшей. К сожалению, мы лишены возможности учесть ее для какого-либо момента не только в отношении всей массы стрельцов, но и отдельных приказов или слобод. Мы располагаем лишь материалом, говорящим о месте, занимаемом стрельцами на торге Москвы или в определенных частях в 1620-х, 40-х, 70-х гг. и в самом конце XVII века². Это место всегда очень значительно. Различия в размерах торговых оборотов, поскольку они отображены в ставках оброка торговых мест, весьма велики. Встречаются стрельцы, которые платят с своих лавок оброк по тем же окладам, какими обложены лавки купцов гостинной сотни, а именно 1 руб. и выше. Но, разумеется, большинство стрелецких торговых мест свидетельствует о гораздо меньшем размахе. Наряду с самими стрельцами, как впрочем, и в провинции, торгуют их жены. В росписи московских кузниц 1641 г. 9 из них значатся принадлежащими стрельцам, причем в 7 показаны работающими сами владельцы, а в двух — работники, которые в обоих случаях также являются стрельцами. В 12 московских кузницах встречаем стрельцов лишь в качестве работников «из найму».

Ни в Москве, ни в провинции не видно, чтобы стрелецким десятникам и пятидесятникам принадлежали, как правило, более крупные торговые предприятия, чем рядовым; среди владельцев этих последних мы не наблюдаем «начальных людей» представленными более заметно, чем рядовых; напротив, они встречаются часто и среди чернорабочих и мелочных торговцев.

Обильны сведения, касающиеся отдельных случаев предпринимательства, ремесленного труда или черной работы городских и московских стрельцов. Особенно много фактов этого рода мы встречаем в делах Тайного приказа Алексея Михайловича³. Стрелец — обычный контрагент этого приказа в его хозяйственной деятельности. Десятки и сотни стрельцов подряжаются приказом на разные работы и поставки. Особенно часто встречаем работу больших стрелецких артелей и в качестве извозчиков, каменщиков и плотников. Отдельные мастера из стрельцов выполняют самые разнообразные работы. При закупках на рынке Тай-

¹ Разр. Пр. Ст. разные ст. № 136, ст. Прик. ст. 2025, ст. Новгор. ст. № 350.

² Забелин, Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, а также Переписные книги г. Москвы, 1665—1678 гг.

³ Русская Историческая Библиотека, т. XXIII.

ный приказ также нередко сталкивается с стрельцами-торговцами.

В материалах этого рода иногда рельефно вырисовывается облик крупного купца, в роде пятидесятника Любима Максимова, который, получая в год свои 7 руб. жалованья, владеет купленным холопом, ведет торговые обороты с иностранцем «Амбурской земли» на многие сотни рублей и поддерживает деловые связи с такими тузами, как самый богатый купец середины XVII в., гость Василий Шорин¹. Естественно, что от стрельца, нанимающегося на черную работу за плату в 4 деньги в день, его отделяет большое расстояние.

Весьма любопытны факты торгово-промысловых занятий московских стрельцов, находящихся на службе вне Москвы. Так, в 1636 г. московские стрельцы Константин Казанцев с товарищами, находящиеся в Козлове, просили «для своей бедности» позволения держать там безоброчную торговую баню. Позволение им было дано «покаместа они на нашей службе в Козлове будут»². 12 стрельцов двух Московских приказов, находившихся в полку князя Репина, били челом, прося отпустить их к Москве «для товаришку, сроком, чем бы им, будучи на великого государя службе, прокормиться». Они поясняют: «будучи мы, холопы твои, на твоих, великого государя, службах, кормимся торжишками, а ныне, государь, который товаренко у нас, холопей твоих, куплен был на Москве, и тот товаренко испродали». Их отпустили на месяц, взяв поруки³.

Нередко встречаем жалобы посадских людей на стрелецкую промысловую конкуренцию и на незаконное использование стрельцами их торговых льгот по варке пива, меда и вина на дому для продажи.

Возникают судебные споры с соседними землевладельцами в связи с устройством стрельцами мельниц. Видимо, одним из довольно распространенных в некоторых городах промыслов была служба стрельцов дворниками на городских дворах вотчинников и помещиков⁴.

Многочисленные, отображенные в самых разнообразных источниках, факты стрелецких промыслов на посадах наталкивали некоторых авторов на слишком суммарные и чересчур далеко идущие заключения: полное приравнивание социально-экономического положения стрельцов к положению массы посадского населения⁵. Следует известным образом ограничить представление о

¹ ЦГАДА, Пр. ст. Л. № 21, 1661 г.

² ЦГАДА, Разр. Пр. Ст. Прик. ст. № 92.

³ Разр. Пр. Ст. Новг. Ст. № 136.

⁴ См., напр., Материалы по истории Татарии т. I, Материалы по истории городов (Тула и др.).

⁵ В дворянско-буржуазной литературе см. Бобровского «Постоянное войско и состояние военного права в России» Юрид. Вестник, 1882, № 10, который говорит: «стрелец со своим потомством был настолько же солдат, насколько и посадский, занимавшийся разными промыслами и торговлей».

всей массе стрельцов, как постоянно и повсеместно торгующей или промышляющей. Не говоря уже о стрельцах, поверстанных землей и близких по условиям своего быта мелкопоместным служилым элементам типа городских казаков, а не посадским людям, и беспашенных стрельцов, служивших с жалования, вряд ли правильно считать экономически сливающимися с населением посада. Не только нельзя пренебрегать ролью жалования и службы во всем быте стрельцов и в создании их значительной обособленности, но и следует признать, что не всюду торговля и ремесло среди них были сильно развиты. Весьма различны в рассматриваемом отношении условия жизни стрельцов московских и городских. Для значительной части последних военный характер их поселения выступает как преобладающая черта. Значительного втягивания в местный торг и большого развития промысловой деятельности мы в таких случаях не наблюдаем. Таковы псковские и новгородские пригороды в конце XVI в., а многие из них в конце XVII в. Таков ряд городов южных окраин. Но и в больших торговых городах стрельцкая слобода — не всегда деятельный участник местного торгового. Тенденции торгово-промысловой деятельности, как ни велика была потребность в добывании средств к существованию этим путем, не всегда получали достаточные возможности для развития, даже при наличии благоприятной общей экономической обстановки в данном месте. Причины этого обнаружить нетрудно: помимо общей экономической неустойчивости, узости рынка и т. д., завязывавшиеся связи с местным посадом и торгом могли быть легко оборваны длительной полковой службой и перебросками стрельцов. В этих условиях не всегда стрельцы оказывались в состоянии пробить себе дорогу на торге, пробить конкуренцию посада. В тех городах, где участие стрельцов в торговой и промысловой жизни очень заметно, оно все же отстает от соотношения численности стрельцов к населению посада. Для значительной части стрельцов оно должно было ограничиваться спорадическими приработками. Мы видим преобладание черной работы, как промысла, без какой-либо ремесленной специализации среди новгородских и псковских стрельцов в конце XVII в.

Но, разумеется, стрельцкие промыслы создавали базу для гораздо более быстрого и сильного нарастания имущественных различий, перераставших в большие социальные различия, чем то расслоение, которое мы наблюдали у пашенных стрельцов. От купца, ворочающего сотнями, а иногда и тысячами, до «беспромышленного» человека, который кормится, «наймуясь, черной работой» или одним жалованием и живет «за хребтом» у другого — вот диапазон различий, создающихся в рамках одной стрельцкой сотни и десятка.

Мы неверно представили бы себе специфику положения стрельцов, если бы чрезмерно настаивали на их близости к по-

садской массе и сходстве условий, но мы вовсе не поймем жизни многих стрельцких слобод, если не учтем роли и влияния стрельцких промыслов.

Стрелецкая слобода. Приборы в стрельцы

Поселение стрельцов особой слободой на посаде явилось основной формой их организации. Оно доставляло, с одной стороны, способ держать стрельцов, в отличие от служилого дворянства, компактной массой в определенном пункте военно-административного или стратегического значения и требовать от них непрерывной службы, с другой — обеспечивало стрельцам возможность занятия торговлей, ремеслом или черной работой на посаде или сельским хозяйством на околгородных землях. Но сочетание этих условий в стрельцкой слободе было внутренне-противоречивым, и эти противоречия сказались на трудности практического осуществления в слободе особого режима, диктуемого интересами стрельцкой службы, и в сложности состава населения этой слободы.

Стремление обособить стрельцов, резко отделить их от тяглого населения посада и уезда — наиболее ярко выступающая черта всех наказов стрельцким головам. В этих наказах налицо последовательно проводимые и непрерывно возобновляемые попытки создать в стрельцкой слободе особые порядки и строго регламентировать ее сношения с внешним миром. Предписывается производить стрельцам ежедневные утренние и вечерние смотры, проверяя их наличие в слободе, и строго наказывать отсутствующих. Предусматривается контроль над проникновением чужих в слободу: стрельцам запрещается беззавочно пускать к себе жить и ночевать прохожих и проезжих людей. Самых стрельцов запрещается отпускать за пределы города. Стрелецкое войско было призвано, прежде всего выполнять внутреннюю, главную функцию крепостнического государства — «держатъ эксплуатируемое большинство в узде»¹. Это вызывало в правящих кругах желание обособить стрельцов от тяглого населения и подчинить их внутреннему надзору.

Но стрельцкая слобода слишком мало походила на военный лагерь или казарму, чтобы эти заботы о поддержании определенных, строго установленных и единообразных порядков могли быть полностью осуществлены. Промыслы и хозяйство стрельцов создавали неизбежное тяготение слободы к тяглому миру, с силой которого было трудно справиться режиму, намеченному наказами. Более того, обнаруживается не только связь между слободой и посадом, но и как бы взаимное их проникновение и смешение. Оно выражалось в многочисленных фактах проживания

¹ И. В. Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 604.

как стрельцов вне слободы, так и чужих на ее территории. Уже в 1565 г. в Казани один из стрелецких приказов был весь размещен в своей слободе, но 51 двор стрельцов другого приказа фигурирует в писцовой книге вне слободы, среди дворов посадских людей. Таких примеров можно было бы привести немало и для более позднего времени¹, для разных мест, в том числе и Москвы. Переписная книга Свияжска 1678 г. дает картину полного смещения посадских и стрелецких дворов, разрушающего вообще границы слободы².

Встречаем стрельцов и проживающими на дворах у посадских людей. В Ярославле в 1685 г. половина стрельцов жила в слободе, а другая «по разным слободам, по чужим дворам из найму»³. Размещение стрелецкой части на постой могло превратиться в длительное проживание, иногда в течение многих лет⁴.

Но не только выселяясь за пределы слободы стрелец мог оказаться живущим бок о бок с людьми, не имеющими никакого отношения к стрелецкой службе. Дворы посторонних людей встречались на территории самих стрелецких слобод⁵. Принимались меры к их удалению, но далеко не всегда проводились до конца и не всюду имели полный успех⁶. Особенно часто в слободе оставались дворы отставных стрельцов, а также стрелецких детей и внуков, неповерстанных в службу. Но проникали и люди совсем посторонние, в частности, путем продажи стрельцам их дворов, что в некоторых случаях было вполне законной операцией⁷. Но все же только единичные дворы людей, совершенно чуждых стрелецкой службе и притом далеко не всюду, встречаются в слободах. Наибольшую примесь посторонних в их населении мы обнаруживаем внутри самих стрелецких дворов, в лице, во-первых, соседей, бобылей, захребетников, половинников и работников, во-вторых, стрелецких зятьев, братьев, великовозрастных сыновей и разных других родичей и свойственников, а также стрелецких вдов и отставных стрельцов. Я не говорю здесь о малолетних членах стрелецких семей, так как интересно учесть тех обитателей дворов, которые могли иметь свои особые промыслы и самостоятельные общественные связи. Приведу несколько примеров. В Одоеве в 1640 г. в 100 стрелецких дворах, кроме самих стрельцов, оказалось 93 чел. мужского населения, из них взрослых 46 чел., в том числе 3 захребетника. В Севске в 1659 г. было

170 стрельцов и 36 чел. их отцов и взрослых детей, братьев, зятьев, соседей и подсоседей. В Порхове в 1697 г. при 50 стрельцах, их сыновей и прочих родственников старше 15 лет набралось — 28 чел. В Белгороде в том же 1697 г., помимо 186 стрелецких детей и племянников, «которые в службу поспешили», и 153 отставных стрельцов, в слободе обитали 33 чел. «гулящих людей». Из них 10 чел. жили особыми дворами, 8 чел. — «в зятях» у стрельцов, 12 чел. «в работниках» из найму «у стрельцов же» и 1 — зятем у живущего особым двором другого гулящего человека¹.

Насколько сложным оказывался иногда состав стрелецкого двора показывают следующие примеры: в Свияжске в 1678 г. во дворе одного стрельца, кроме четырех сыновей 20, 12, 9 и 3 лет, живут сосед-иноземец с сыном, племянник-стрелец и еще один стрелец, не состоящий в родстве с хозяином. В Корсуни в 1686 г. во дворе стрельца Ананьина, кроме его сына и пасынка, живут взрослый племянник со своим зятем и брат этого последнего. Число подобных примеров очень легко было бы увеличить. У стрельцов живут захребетники, бобыли, работники, половинщики, зятья, отчимы и шурыя, «не в разделе и не в службе». Эти данные — существенны для выявления социальных различий и связей стрелецкой слободы.

Они дополняют и ту картину имущественной и хозяйственной дифференциации среди стрельцов, которую мы разбирали выше.

Посторонний стрелецкой службе, но неизменно присутствующий в слободе элемент доставляла также церковь. Помимо дворов притча слободской стрелецкой церкви, здесь же стоят дворы просвирен, церковных бобылей и нищих, вдовых попадей и дяконич и др.²

Итак, слобода не сделалась местным проживанием всех стрельцов и только их одних, но она все же оставалась стрелецкой территорией по преимуществу и осуществляла в значительной степени, хотя и не полностью, их обособление.

Некоторую аналогию этому мы увидим и в вопросе о приборах в стрелецкую службу. Принцип наследственности службы, который должен был преградить доступ в состав стрельцов извне, действительно лежал в основе практики приборов, но дополнялся значительными притоками «разных чинов людей».

Принцип наследственности стрелецкой службы выражен в известных словах Котошихина: «и бывают в стрельцах вечно, и дети и внучата стрельцы ж по ним». Приверстывание новоприборных стрельцов происходило прежде всего и чаще всего за счет стрелецких детей и братьев. Проживание в слободах неповерстанных стрелецких сыновей старше 25 лет встречается срав-

¹ См., напр., Сб. мат. Арх. Мин. Юст. стр. 395 и сл. (Опочка) Владим. Сб. стр. 79, ЦГАДА, Пр. Д. Ст. Л. Св. 41 № 29 (Устюг).

² ЦГАДА, Московский Архив Министерства Юстиции, переп. кн. 6451.

³ ЦГАДА, писцовая книга, 225.

⁴ Пр. д. ст. л., св. 72—63 (Кольский острог).

⁵ Мат. по ист. Татарск. АССР, стр. 37, Писц. кн. Моск. Гог. П1266. Мат. по ист. гор. Рязань, стр. 34, 36 и др. ЦГАДА, Разр. Пр. Ст. Белг. ст. 1581, 1589 и др.

⁶ Напр. Моск. гос. П. 1950; Сб. Моск. Арх. Мин. Юст., т. V, стр. 399, 400, Дон АИ, V, 98.

⁷ Напр. ЦГАДА, Разр. Пр. ст. Белг. ст. № 1514.

¹ ЦГАДА. Разр. вязки № 1 ч. I ср. МАМЮ, писц. кн. № 225, Ст. Новг.

² См., напр., Забелин — Материалы по истории Москвы, II, 286, 213 и след.

нительно редко. Стрелецкое начальство предпочитало ограничиваться при приборах именно этими контингентами¹. Оно так обычно и инструктировалось из Москвы. Если сыновей и братьев при приборе оказывалось недостаточно, то переходили к разным прочим родичам и свойственникам, а также и к соседям и захребетникам, проживающим в стрельцких дворах. Этим путем в известной мере не только сдерживают, но и используют разрастание неслужилого населения слобод, превращая его в своего рода резерв.

Но при том росте численности стрельцов, который наблюдается вплоть до последней четверти XVII в., приходилось обращаться и к другим источникам пополнения. В этих случаях намечалось раньше всего «через бирючей кликать в стрельцы всяких охочих людей», следя за тем, чтобы в стрельцы не попали «крепостные боярские и тяглые посадские люди и с пашни крестьяне»². Несмотря на это последнее предписание, при призыве охочих людей в состав войска в известном количестве проникал тяглый посадский и уездный люд, в том числе и помещичьи крестьяне. В 1654 г. в Новгороде было сыскано в стрельцах 135 семей беглых крестьян, в Пскове — 4. В 1658 г. сыщику беглых крестьян прямо указывают искать их среди стрельцов³. Но нельзя было обойтись и одними вольными охочими людьми. Можно указать на ряд принудительных наборов в стрельцы, произведенных в XVII в., например, в 1633 г. набор в городах Устюжской чети 300 чел. «от пашенных людей, от отцов детей и от брати братью», в 1658 г. в Двинском, в 1664 г. в Московском у. с 10 дворов по 1 чел., в 1676 г. в Олонецком уезде — 1300 чел. Эти наборы являются предвестниками петровской рекрутской системы. Небольшой по величине, но любопытный по своему характеру, приток в «стрелчество» создавался отдачей в стрельцы в виде наказания — людей весьма разных, совершивших очень различные проступки и преступления; среди них и крестьяне, и дети боярские, и польские выходцы, и вольные работники. В качестве ирричины отдачи в стрельцы нам встречалось и держание еретических тетрадей, и убийство воеводы в Сибири, и самовольный уход с казенного будного стана, и игра в зернь, и совершение церковной службы распопом, и «невежливое» прошение милости ни у патриарха.

Основной приток в стрелецкое войско шел со стороны тягло-го населения и вольных гулящих людей, но и мелкопоместные дети боярские и городовые казаки попадали иногда туда же в

¹ Иногда, впрочем, отказывались от верстания на службу взрослых стрельцких сыновей и то за одиночеством.

² Доп. АИ, III, 297, IV, 123. В бумагах Разрядного приказа неоднократно встречаем дела, возникающие по искам помещиков и вотчинников о возвращении им беглых-крестьян, обнаруженных в стрельцах.

³ Двинск. лет. 1658 г. АИ, V, 122. Доп. АИ, VIII, 123; ЦГАДА Пр. Д. Ст. Л. св. 70, № 63.

значительном числе, перечисляемые в стрелецкую службу по распоряжению властей¹.

Иногда мы располагаем сведениями о происхождении всех стрельцов внутри определенного подразделения их. Приведу два примера: в 1675 г. из 115 стрельцов г. Чугуева, 99 написаны в стрельцы «их стрелецкого чина», 8 — из казаков, 7 — из гулящих людей, 2 — из детей боярских, 1 — «из солдатской службы», 1 — «из рейтарского строя»². Среди стрельцов Савво-Сторожевского монастыря в 1676 г. 63 чел. были «разных монастырей служные и стрельцкие дети», 14 чел. стрелецкие дети московские и городовые, 44 чел. крестьянских детей из дворцовых, монастырских и дворянских сел, 3 чел. поповых детей, 8 чел. иноземцев-поляков³. Последний пример хотя и не является типичным, но все же показывает, сколь пестрым по происхождению мог быть состав стрельцов в отдельных случаях.

Итак, хотя наследственность службы должна была сильно действовать сбособлению стрельцов, но приток со стороны существовал и был значителен. Он укреплял ту связь стрельцов с внешним миром, которая создавалась на почве земледельческих, торговых и ремесленных занятий стрельцов и которая проявлялась также в проживании стрельцов на посаде, а чужих в слободе.

Стрелецкая служба

Значение стрелецкого войска в общей системе вооруженных сил Московского государства было, несомненно, очень существенным в течение всех 150 лет его существования, несмотря на появление в XVII в. солдатских полков.

Наибольшей численности стрелецкое войско достигло в третьей четверти XVII в., когда составило 50 тыс. чел. (5 тыс. конных и 45 тыс. пеших), из них более 20 тыс. московских приказов. Только с конца 70-х годов численность стрельцов начинает несколько уменьшаться.

Значение стрельцовой определялось их более высокой организацией и более совершенным вооружением по сравнению с дворянским ополчением. О стрельцах самой начальной поры их существования восторженно отзывается Казанский летописец. Перечисляя заслуги царя Ивана в воинских делах, этот памятник отмечает: «И еще ново прибави к ним (старому воинству.—С. М.) огненных стрельцов много, к ратному делу гораздо изученных и глав своих не шадящих, а в нужное время отцы и матери, и жен и детей своих забываящи, и смерти не боящиеся, ко всякому бою, аки к велице которой корысти или к медвяной чаше цареве, друг друга наперед течаху и сильно бияхуся, и складаху главы своя невестно за веру христианскую и за любовь к ним

¹ Дневник генерала Патрика Гордона, 1892 г., т. II, стр. 13. ЦГАДА. Разр. Пр. Ст. Белг. ст. 515.

² Разр. Пр. Ст. Белг. ст. № 811; АИ V, стр. 20—21.

³ АИ V, стр. 20—21.

царскую, забывая жены своя и дети». «Таки бяху искусни и научени ратному делу и пишальному стрелянию, аки и малые птицы на полете побываху из ручных пишалей и из луков»¹. Для конца XVI столетия можно указать отзыв Маржерета, который говорит о татарах, что встретив «русскую пехоту или стрельцов, удаляются». Насчет стрельцов (по смыслу всего контекста), должно быть отнесено и показание курляндца Рейтенфельса, жившего в Москве в 1670-х годах: «делая общую оценку Московскому воинству, должно считать его пехоту несомненно лучшею, нежели конницу, ибо она более старается о завоевании и защите городов, нежели об удачных стычках в открытом поле»².

Участие стрельцов во всех больших военных кампаниях, начиная с Казанских и кончая Азовскими походами, — заметно, и всегда существенно, хотя одновременно значительная часть их образует гарнизоны городов, в том числе таких, как Псков, Астрахань, Казань, Терки, Белгород, где их много и где они нужны.

Московские стрельцы, равно как и новгородские, псковские и других городов с большими гарнизоны, ходили в полковую службу целыми приказами. Мелкие стрелецкие отряды из других городов объединялись в сводные приказы, иногда кроме стрельцов включающие в свой состав городских казаков. Для отправления полковой службы стрельцам, при необходимости считаться с их хозяйством и промыслами, устанавливалась очередность. Служебные очереди разверстывались между целыми приказами там, где их насчитывалось несколько; в других городах стрельцы делились на половины и трети, которые высылались на службу «для оберегания украин» или «в полки бояр и воевод», переменяясь pogodно или через два года на третий. Но очередность полковой службы легко и часто нарушалась в условиях длительных и тяжелых войн XVII в. Далекие походы с долгим пребыванием в чужих городах делали эту очередность недостаточной гарантией сохранения хозяйственной и промысловой деятельности стрельца. Жалобы стрельцов на нарушение служебной очереди можно часто встретить в делах Разрядного приказа. Под особенно сильной угрозой нарушения очередности находились, видимо, стрельцы, служившие с жалования, а не с земель: властям скорей приходилось считаться с необходимостью поддерживать хозяйство этих последних, чем торгово-ремесленные занятия первых.

Но подавлением народных движений и полковой, как выражаются источники, т. е. полевой, службой отнюдь не ограничивались обязанности стрельцов. Поразительное многообразие и обилие функций, выполнявшихся стрельцами в Московском государстве, заставляет нас сталкиваться с ними в самых разных сферах. Стрелецкие караулы охраняли царский

двор, сопровождали царя, членов царского семейства и высших церковных сановников в их «выходах» и разъездах. Стрельцы отбывали очередные недельные караулы в различных приказах в Москве. В некоторых городах, например, Твери, чуть ли не основным видом службы было «посольское провожание». Стрельцов, в составе целых сотен, иноземный посол все время видит вокруг себя в Московии. Бесперывно происходила посылка стрельцов из Москвы в города с грамотами из Разряда, Четьей, Стрелецкого и других приказов или из городов в Москву с воеводскими отписками; в последнем случае обычно посылаются сын боярский и стрелец. В городах стрельцы несут караульную и посыльную службу при всеводах в съезжих избах, ставят караулы к тюрьмам. Деятельность стрелецких голов и сотников в XVII в. по разнообразию выполняемых ими поручений напоминает ту роль, которую впоследствии при Петре I играли гвардейские офицеры. Значительная часть этих поручений выполняется с участием нарядов из рядовых стрельцов. Они же сопровождают объезжих голов при выемке корчем, караулят кабаки «для бережения казны и питейного разнота и драк», охраняют хлебные и иные запасы и т. д.

Жалобы на тяготы этой «городовой» службы и отдельных ее видов раздаются весьма часто. В некоторых из стрелецких челобитных встречаем яркое изображение разнообразия и местного варьирования этих служб, непрерывно сменяющих одна другую, их тяжести при необходимости вести хозяйство или дополнять жалование промыслом. Однако, отбывание одной только городской службы, без участия в походах, рассматривается как льгота, которой иногда пользуются отдельные стрельцы, например, записанные вместо отца или брата «в малых летах».

Несмотря на обилие специальных стрелецких служб, во многих местах сливавшихся в почти сплошной поток, в фискально-административной практике Московского государства нередко нарушалась граница между этим разрядом служилых людей и тяглым населением: на стрельцов налагались иногда такие повинности и побсы, от которых, казалось бы, они должны были быть свободны. Среди этих повинностей в отдельных местах видим постой, заготовку сухарей из казенной ржи, выбор кабацких и таможенных голов и целовальников, даже поставку в казну отсыпного хлеба и распашку десятиной пашни.

В сложной и пестрой военной организации Московского государства стрельцам в большей мере, чем другим ее элементам, даже войскам нового строя, за исключением некоторых солдатских полков, были присущи черты постоянного и регулярного войска. Эти черты в устройстве стрелецкого войска не получили полного развития; но все же они заметны и реальны, хотя и сочетаются с рядом противоречащих им условий повседневного стрелецкого быта.

Приказы, сотни, десятки были в стрелецком войске правиль-

¹ Полное собрание русских летописей, т. XIX, стр. 45.

² Яков Рейтенфельс, Сказания о Московии, М. 1906, стр. 126.

ными подразделениями, несмотря на некоторые колебания в численности московских приказов. Гарнизоны стрельцов в городах насчитывают почти всегда целое число десятков или сотен; в небольших городах чаще всего встречаем цифру в 100 или 50 стрельцов, хотя, разумеется, ко времени каждого нового разбора успевали накопиться известные отклонения от норм. Число десятников почти всегда соответствует числу десятков, число сотников — числу сотен. Приказ представляет собой административную единицу, которая дает себя чувствовать во всей жизни стрельца.

Для внедрения начал регулярного военного устройства характерно стремление установить для стрельцов особую одежду и даже определенные внешние различия отдельных приказов. По образительным памятникам XVII в. мы знаем цвета кафтанов, формы шапок всех московских приказов в 1670-х годах. Что касается городских стрельцов, у нас достаточных сведений об их одежде нет. Мелкие стрелецкие гарнизоны в новых городах или старых, потерявших военное значение, едва ли были обеспечены формой установленного образца. Но стремление хотя бы к некоторой регламентации их одежды имело место. Стрелецкие кафтаны с указанием материала и цвета неоднократно встречаются в списках военных припасов. В наказе Устюжскому воеводе 1682 г.¹ читаем: «А как им, стрельцам, по нашему, великих государей указу, велят быть на нашей, великих государей, службе, и у них бы были у всех кафтаны и шапки суконные и сапоги сафьяновые»².

Интересен случай, о котором рассказывает нам один документ 1677 г. Прибывший в Москву с отписками козельский стрелец Андрияшка Ащеулов явился в Разрядный приказ с отпуском в наряде, который описан следующим образом: «платье на нем охобень зурфреной, нашивки тафтяна, полукафтанье дорогильное красное, пугвицы серебряны, золочены, сапоги сафьяны красны, и сказал, что платье на нем зятьево, приказу Малые России подъячего Семена Щеглова», Гулявший в Москве в этом пегольском наряде провинциальный стрелец, не побоявшийся явиться так к начальству, был строго наказан: велено было «бить его батоги для того, чтобы он впредь в охобье не ходил, а ходил по-прежнему — в стрелецком платье»³.

Важнее вопрос о регулярных военных ученьях. Обращение с фитильной пищалью, какой был вооружен стрелец до середины XVII в., а частично и позднее, было делом, требовавшим немало искусства и выучки⁴. Известный минимум такой выучки был необходимым условием существования стрелецкого войска.

Предполагалось, что не будучи в посылках или в походе, стрельцы должны постоянно упражняться в стрельбе из пищалей. Об этом идет речь во всех наказах стрелецким головам. В наказе архангельскому стрелецкому голове 1646 г. говорится: «и стрельбы их стрельцов смотреть и учить их стрелять перед собою по часту, чтобы из самопалов стрелять были горазды, а которые стрельцы из самопалов стрелять не умеют, и тех стрельцов учить перед собой и перед сотники»¹.

Но одной стрельбой дело не ограничивалось: по мере того, как росла самостоятельность пехоты, приобретали все большее значение и различные виды строевого учения. В XVII в. заметно стремление внедрить в стрелецкое войско новые приемы. Так, в 1663 г. 600 человек стрельцов приказа Ивана Головленкова проходили «учении и ратному строению» на Покровском поле в Москве². В 1661 г. был назначен общий «генерал над всею пехотою и над стрельцы для того, что... ратное учение и всякий ратный строй ему за обычай»³. Гордон в своем дневнике рассказывает, что еще в 1661 г. ему пришлось обучать «пехотной экзерциции» 600 стрельцов приказа Никифора Колобова⁴. В 1678 г. с этой же целью под начальство Гордона, кроме его прежнего драгунского полка, был отдан большой стрелецкий приказ в 1000 чел., набранный в южных городах⁵.

В одном из дел Разрядного приказа, относящемся к 1679 г. находим грамоту в Новгородский полк с приказанием: «в Новгородском полку, у стрельцов новгородского одного, псковских двух приказах быть вместо голов стрелецких пешего строю полковником, а тех приказов сотником попрежнему, а головам не быть» на основании этого указа. Разряд ведет переписку о посылке солдатскому строю полковника Петра Гюльста с тем чтобы ему служить новгородскому полку, а «у него в полку быть луцким, торопецким, островским, изборским стрелцам»⁶. В этом же деле идет речь о назначении «полковников солдатского строю вместо голов» в новгородские и старорусские приказы, находящиеся с И. А. Хованским в Рыльске.

Стольник Чемоданов, отправлявший в 1657 г. посольство в Венецию, говоря там о военных силах своего государя, о стрельцах сказал так: «А стрельцов Московских устроено на Москве сорок тысяч, причь городовых; а бой у них солдатского строения я». Чемоданов противопоставляет их «государевых городов дворянам и детям боярским и всяких чинов людям; те

¹ Доп. АИ, III, стр. 70, см. также АИ, IV, стр. 560 и др.

² АМГ II, 101, 124, см. также II, 152.

³ АМГ, т. III, 338.

⁴ Гордон, Дневник, ч. II, 14.

⁵ Там же, 127. Следует отметить, что командные кадры стрелецкого войска привлекали из русских людей и что только в отдельных случаях правительство привлекало иностранцев, которые, кстати сказать, далеко не всегда отвечали своему назначению.

⁶ Разр. Пр. ст. Новг., ст. № 159.

¹ Папр. Доп. АИ X, 98.

² Доп. АИ, X, стр. 61

³ Разр. Пр. Ст. Новг. Ст. № 272

⁴ См. выше мою статью «Вооружение стрелецкого войска». «Труды» ГИМ,

бьются разными обычаями: ручным и огненным боем и кто к какому бою навычен»¹. Хотя нельзя полностью доверять ни цифровым данным, ни отзывам Чемоданова, но важно отметить, что стрельцов сближали с солдатами по характеру их боевой подготовки и строя.

Однако, на практике проведение регулярных учений стрельцами наталкивалось на большие трудности, коренившиеся в самых основах устройства войска, в двойственности системы его содержания. Эти трудности очень ярко проявляются в одном любопытном документе 1639 г. В Тулу, в полк кн. Дм. Мамстр. Черкасского из Москвы следует грамота, содержащая такое предписание: «Московских стрельцов Олексеева приказу Полтева и Михайлова приказу Баскакова, которые ныне на нашей службе на Туле строить и учить солдатскому строю полковнику Олександру Крафорту, и как к вам наша грамота придет, и вы б полковнику Олександру Крафорту стрельцов Олексеева приказу Полтева и Михайлова приказу Баскакова, которые ныне на нашей службе на Туле солдатскому строю велели учить тотчас». Через месяц из Москвы посылают вторично грамоту, в которой излагают пересланную из Тулы стрелецкую челобитную: «били нам челом стрельцы Олексеева приказу Полтева да Михайлова приказу Баскакова пятидесятники и десятники и рядовые все тысяча двести человек, а сказали: по нашему указу велено им быть на нашей службе на Туле, и они де живут на нашей службе на Туле на засеках человек по семидесяти и ходят верст по десяти и по двадцати и по полтридцати и по тридцати беспрестанно и в городе стоят на караулах в разряде и у казны и у наряду, переменяясь бессходно и в посылки в города и в уезды для нашего дела ездят. А кормятца де на нашей службе которые мастеровые люди своим промыслом, а которые беспромышленные и те наймутся на караулы у своей братьи у промысленных людей. И ныне де прислана на Тулу наша грамота, велено их отдать полковнику Олександру Крафорту в солдатское учение, а они де искони в солдатском ученье не бывали, да они же де на многих наших службах были и в осадах во многих сидели и многие увечены, ранены и им де, будучи в солдатском ученье, в конец погинуть и промыслов своих отбысть, помереть с голоду. И нам бы их пожаловати для их прежних служб и для их бедности велети от солдатского ученья отставить». Отказываясь удовлетворить стрелецкое ходатайство, из Москвы повторяют прежнее предписание воеводам: «вы б Олексеева приказ Полтева и Михайлова приказа Баскакова стрельцов учить велели по прежнему нашему указу и в ученье их приводить смотря по тамошнему делу, чтоб им было не в налогу»². Учение солдат-

скому строю оказывается даже для стрельцов московских приказов в 1639 г. делом новым, «искони вечно небывалым», нарушающим уклад жизни стрельцов, которые, как видим, приспособляют свои промыслы и к условиям полковой службы, своеобразно сочетая их с караулами и сторожами путем найма «беспромышленных людей» «промышленными».

Тем меньше места оставалось для солдатского ученья или даже для регулярных и общих учебных стрельб в жизни небольших слобод городских стрельцов. Жалуясь на тяжесть городской службы и перечисляя ее различные виды, городские стрельцы не упоминают этих учений. Стрелец оставался стрелком, более или менее искусно действующим своей пищалью. Строй нарождающейся в XVII в. новой пехотной тактики был ему чужд, несмотря на все попытки обучить его по-новому.

Важным отличием стрелецкого войска от дворянского ополчения с самого начала существования стрельцов была выдача им оружия из казны. Но и в этом отношении не было полной последовательности. В некоторых случаях, правда, весьма редко, вместо оружия давались деньги. Так, Астраханский воевода в 1614 г., сообщая о вооружении Ядринских стрельцов, действующих против Заруцкого, указывает: «четырем человеком стрельцов пищалей не дано, потому что в Ядрине в государеве казне пищалей нет, и я тем четверем человеком стрелцом дал из государевой казны за пищали по 14 алтын денег»¹. При наборе 1000 стрельцов в 1618 г. им было выдано по 20 алтын «на самопалы»². В таких случаях забота о приобретении оружия ложилась, очевидно, на самих стрельцов. Из упоминавшихся выше псковских стрелецких казак 1697 г. видно, что у многих стрельцов было свое, а не казенное оружие. Но особенно характерно то, что расход боевых припасов во время учения относился за счет стрельца. Кунгурский воевода однажды получил выговор за то, что дал новоприборным стрельцам для учения казенные припасы: «по нашему в. г. указу, — пишут ему, — велено новоприборным стрелцам на Москве и в городах для учения порох держать свой потому, что дается им наше в. г. жалование»³. То же видим и в наказах «а на учебе стрельцы стреляли б зельем и свинцом своим, а не казенным, потому что им за то дают государево денежное и хлебное жалование»⁴. Такие распоряжения, разумеется, весьма мало содействовали регулярности и частоте стрелковых учений. В них отражено сохранившееся несмотря на старания внедрить новый солдатский строй представление о стрельце, как профессионале-стрелке, мастере огневого дела, подготовка которого совершается как бы частным порядком, представление, которое в значительной сте-

¹ АИ, III, 419.

² Разрядные книги, I, 581.

³ АИ, IV, 560.

⁴ Доп. АИ, III, 73.

¹ Древн. Росс. Вивлиофика, ч. VIII, стр. 192.

² Разр. пр. ст. Влад., ст. № 39.

пени обуславливалось характером оружия — ручной фитильной пищали XVI в. и первой половины XVII в.

Наличие противоречивых тенденций, порождаемых условиями организации и содержания стрелецкого войска, проявляется и в фактах выставления стрельцами наймитов и заместителей, вопреки постоянным запрещениям и угрозам. Это явление, разумеется, никак не согласовалось с взглядом на стрельцов как на регулярное и систематически обучаемое войско, и сближало их службу с поместной. А между тем, выполнение стрелецким войском первой функции государства — поддержание классового господства — требовало внимательного отношения власти к его действительному личному составу.

Запрещение наймитства очень часто предусматривается в разных распоряжениях и наказах стрелецкого начальства. Но уже самый факт усиленной борьбы властей с этим явлением доказывает его известную распространенность. В одном из наказов стрелецким головам читаем «Михайлу [т. е. голове] имать с собой на государеву службу стрельцов и на годовую с сотники посылати самих головами своими, а наймитов стрелецких с сотниками на службу никуда не посылати, а будет которые стрельцы в то время будут больны и на службе быть им будет не мочно, и тем стрельцам велети на государеву службу в свое место наймовати стрельцов же, а не гулящих людей, потому что гулящим людям низовая и верховая (на Волге) служба не за обычай и в том государеве службе чинится поруха»¹.

В указе воронежскому воеводе об отпуске сотни стрельцов и казаков для посольского провожания (речь идет о поездке Совина и Кантакузена в 1630 г.) содержится требование, чтобы были посланы такие стрельцы, «которых в нашей службе ряд дошел» и чтобы стрельцы и казаки шли на службу «сами, а детей своих и братьев и племянников и сусед и наймитов одиночно в свое место не посылали, а только которые воронежские стрельцы и казаки на нашу службу на Дон сами не пойдут, а пошлют в свое место детей своих или братьев или племянников или наймитов, а после про то сыщетца, — и тем стрельцам и казакам быть в великом наказанье»².

Вопреки подобным запретам факты заместительства встречаются нередко, и стрельцы отнюдь не считают их незаконными.

Бежавший в 1641 г. из турецкого плена валуйчанин Родька Дементьев повествует о себе: «служил я за отца своего, и на стороже взяли меня в полон Крымские люди и продали на ка-торгу»³.

В 1685 г. тверские воеводы сообщают о высылке в Астра-

¹ См. мою статью «Восоружение стрельцов».

² Акты Археографической экспедиции, III, 245, 1666 г.

³ Александров и Дольников, Воронежские акты, т. 1, 81—82.

хань 6 стрельцов по указу из Москвы и о том, что один из от-правленных «объявился во Твери» и в расспросе сказал: «что будто вместо его, Гришки, пошел на вашу, великих государей, службу в Астрахань брат его родной, тверской стрелец Степка Ярыгин без нашего великих государей указу и без нашего, холопей ваших, ведома». Воеводы посадили стрельца Гришку Ярыгина в тюрьму, но послали запрос в Москву о том, как решить это дело. Оттуда прислали указ освободить Гришку Ярыгина на поруки и разыскать, вправду ли вместо него пошел его брат; в этом последнем случае дело, видимо, должно было остаться без последствий¹.

В стрелецких сказках можно отметить много записей, говорящих о службе сына вместо больного или старого отца, причем, как уже указывалось в связи с вопросом о стрелецком землевладении, подобное заместительство понимается как естественный способ сохранить за семьей стрельца пользование его земельной дачей.

Один из черненских стрельцов, не отставной, так как он говорит о себе «служу», но старый, прослуживший «лет с 40», вполне откровенно заявляет: «у меня детей два сына, Ивашка — в службе вместо меня». В качестве другого примера можно привести одну из Козловских сказок, в которой стрелец говорит, что у него есть «сын Васька, в возрасте, вместо меня ныне по очереди на службе в городе в Новобогородицком на Самаре»².

Несомненно, таким образом, что заместительство на службе, хорошо известное в дворянском сполчении, было в какой-то мере присуще и стрелецкому быту. Характерные, можно полагать, далеко не исключительные, факты вскрываются в одной из записей Тайного приказа, посвященной сыскному делу 1662 г. «по извету стрелца Иванова приказу Мещерина, что он Ивашка с них стрельцов имал приметками своими многие взятки, а иных стрельцов для взятков не отпускал по домам в прежние их места, сткуды хто в стрелецкую службу взят, и из домов своих же стрельцы к Москве не бывали, а присылали в свое место наемщиков, и тех наемщиков он, Иван, приверстывал для своих взятков в стрельцы»³.

Другая черта, идущая вразрез с представлением о регулярном войске, это — порядок производства в десятники и пятидесятники. Иногда, правда, видим, что рядовой стрелец по прошествии нескольких лет становится десятником. Но с другой стороны, при новых приборах десятники и пятидесятники назначаются прямо из числа тех же новобранцев⁴. В Белеве один из

¹ Акты Зерцалова, ст. 26.

² Разр. пр. ст. Прик., ст. № 1441.

³ РИБ, т. XXI, ст. 573.

⁴ Это можно видеть в деле о наборе даточных в городах Устюжск. Чети (ЦКАДА Пр. Д. Ст. Л. № 63) и в некоторых писцовых книгах, напр., Дон-ковской 1651—1652 г.

подателей сказок 1700 г. рассказывает о себе, что с 1669 г. служил в рядовых, а в 1679 г. написан в пятидесятники: промежуточного пребывания в десятниках, видимо, не было. Не заметно, чтобы действовал принцип выслуги лет. В тех сказках, которые указывают давность службы, она часто оказывается значительно большей у рядовых, достигая иногда 40 и 50 лет, чем у десятников и пятидесятников. Следовательно, унтер-офицерский состав, выражаясь более поздним термином, в стрелцком войске нельзя представлять себе, как более опытную и лучшую обученную часть его. Его роль в ряде случаев была скорее чисто административной, чем руководящей в боевой обстановке, где как рядовой, так и десятник был прежде всего и в равной степени стрелком-мушкетером. Мне представляется, что отмечавшееся выше исчезновение различий в окладах пятидесятников, десятников и рядовых, в отношении как денежного жалования, так и гашенных наделов, наблюдаемое во многих местах к концу XVII в., связано именно с таким положением вещей. Разница между низким командным составом (десятниками и пятидесятниками) и рядовыми стрельцами затмевалась той дифференциацией, которая совершалась в стрелцкой среде на почве землевладения и торгово-промысловой деятельности, а как на учениях нового типа, так и в боевых действиях, они были более или менее равноценны.

На основании всего предыдущего обзора условий жизни и службы стрельцов мы можем поставить перед собой вопрос: делало ли это сложное сочетание льгот и служб, жалования и повинностей звание стрельца привлекательным для стрелецкого сына, посадского и уездного тяглеца или служилого человека иных разрядов или, напротив, перспектива попасть в стрельцы должна была представляться в мрачном свете.

Как уже указывалось, при больших приборах в стрельцы одними охочими людьми обойтись не удавалось. Когда с этой целью брали даточных, связывая их круговой порукой и поручными записями местных людей, то точчас же значительный процент оказывался в бегах. При посылке в Москву из Устюга 300 новобранцев — стрельцов по набору 1636 г. оказываются недостающими 20 человек, затем уже в Москве и в Можайске, куда выслан полк с новыми стрельцами, происходят опять многочисленные побегы, по поводу которых возникает большое дело в связи с взысканием новых даточных, взамен бежавших, с тех же мест. В этом деле находим челобитную новоприборных стрельцов, которые жалуются на воеводу, производившего прибор, что он брал «посулы и поминки великие» с прожиточных людей и их детей, которые были в выборе, из стрельцов выпысывал вон и писал неволею бедных и молодчих одиноких людей, которых с государеву службу не будет..., а иным богатым и семьянистым людям велел в свое место наймовать ярыжных

охочих людей»¹. Хорошо известно, что в 1648 г. в восстании в Курске участвуют новоприборные стрельцы, взятые из монастырских крестьян.

Во второй половине XVII в., реорганизуя службу городских казаков и детей боярских, формируют из них полки драгун, рейтар и солдат; если же местами они попадают в стрельцы, то это вызывает острое недовольство и жалобы.

Но мы нередко встречаемся и с фактами иного характера, свидетельствующими о привлекательности «стрелчества» для известных слоев крестьянского и посадского населения.

В 1664 г. Пустозерского острога стрелец Калинка Копытов в челобитной пишет: «в прошлых, государь годах твоих государевы воеводы верстали в Пустозерском остроге посадских тяглых людей в стрельцы, а от верстанья имали с тех людей рублей по 10 и по 15, а я, холопа твой, служу тебе, великому государю, лет 16, а наших, государь стрелецких детей твоих государевы воеводы в твою великого государя стрелецкую службу не верстали, потому что у нас дать нечего, скитаемся между двора: милосердный государь... пожалуй меня, холопа твоего, вели государь, в твою государеву стрелецкую службу приверстать сынишка моего Ивашку Копытова в Пустозерский острог вместо стрельца посадского тяглого человека Тимошки Плахина и в окладе его в хлебном и денежном»².

Другой, аналогичный пример — челобитная ржевского 10-летнего стрелецкого сына о приверстании его вместо умершего отца с жалобой на то, что стрелецкий голова ему отказал и вместо его приверстал другого, «взяв с него большой посул»; этот другой тоже стрелецкий сын, но отец его жив и служит. Ответный указ удовлетворяет челобитную, а приверстанного ранее, другого стрелецкого сына предписывает отставить до того времени, когда будет «убылое место отца его»³. В одной из Псковских сказок 1697 г. отставной стрелец, отставленный двумя годами раньше «за болезнь», просит, чтобы его вернули в службу по прежнему, так как он «ныне от болезни оздоровел». Там же другой отставной стрелец, живущий в «подсобниках» у одного из десятников говорит, что в 203 г. был отставлен «неведомо за что», и бьет челом; «чтобы, великий государь пожаловал его... указал служить ему стрелецкую службу в том же полку по прежнему».

В 1647 г. карповский воевода, которому было запрещено верстать в службу детей, племянников и других родственников стрельцов — сведенцов, «для того, чтобы те стрельцы в Карпове дворами построились и пашни свои завели», пересылает в Москву их челобитную; в ней они просят, чтоб их «детешек» приверстали на службу, мотивируя это тем, что им «семьянис-

¹ Разн. пр. ст. Севск., ст. № 350, 1681—1684.

² ЦГДА, Приказные дела старых лет № 182.

³ ЦГАДА, Ст. Новг. Ст. № 332, 1685.

тым людям на новом городе в Карпове не прокормиться без государева жалования»¹.

Известны многочисленные случаи, когда беглые крестьяне оказывались в стрельцах, когда в их же среде обнаруживались и ремесленники, взятые из разных городов к Москве для казенных служб и разбежавшиеся.

Эти примеры с несомненностью показывают, что для многих приверстывание в стрельцы было заманчивым. Стрелецкий сын, не имевший выгодного промысла, маломочный посадский человек, чернсошный крестьянин (не говоря уже о крепостных) нередко на стрелецкое жалование в его разных видах смотрели как на недостающее им твердое обеспечение, а на стрелецкий чин как на поднимающий их выше по социальной лестнице.

Заключение

Несомненно, что в пору своего возникновения, да и в течение долгого времени спуска стрелецкое войско являлось наиболее высокоорганизованной формой устройства вооруженных сил Русского государства и одной из наиболее передовых в общеевропейском масштабе. Однако, на практике условия существования стрельцов оказались сложными и противоречивыми.

Казенное жалование не сделалось общей и неперменной основой устройства стрелецкого войска; оно частично заменилось земельным верстанием, а частично сочеталось с промыслами и торговлей на посадах. Получалась пестрота условий, создавших разные типы стрелецких поселений:— стрелецкие слободы городов, имевших преимущественно военное значение, где не было земельных наделов и не получали большого развития промыслы; недавно устроенные или переведенные гарнизоны, не успевшие завязать большие местные связи; поселения пашенных стрельцов-землевладельцев с наделами, тянувшимися вдаль от города, где создавался особый круг интересов и забот; старые слободы с прочно осевшим населением, примыкавшие к большим посадам, с оживленными торговыми и промысловыми связями.

Во взаимоотношениях стрелецкой слободы и посада мы наблюдаем противоречивое сочетание и борьбу стремления стрелецкого начальства обособить слободу и связей, которые подчиняли ее общим условиям жизни города. Обособление создавалось изъятием из тягла, судебной властью стрелецкого начальства, промысловыми льготами стрельцов, установлением особого режима внутри слободы, известной территориальной замкнутостью и, наконец, службой, а связь слободы с посадом была сильна силой единства тех интересов, которые создавались стрелецкой торговлей и промыслами. Это единение с посадом воспроизводило в то же время, внутри стрелецкой слободы те раз-

личия, которые имели место в среде посадского населения, создавая и бобыля, и бездворового стрельца, и стрельца-хозяина ремесленного или торгового предприятия с наемными работниками, и крупного купца или подрядчика.

Пашенные стрельцы, связанные больше с уездом, чем с посадом, подвергались действию общих условий, разлагавших среду промежуточного между крестьянами и мелкопоместным дворянством слоя служилых людей, надельных земельными дачами.

Эти условия делали весьма своеобразным положение стрелецкого войска в феодально-крепостнической монархии, которая должна была рано или поздно избавиться от него. Таким аппаратом контроля и подавления солдатской воли, какой создается в регулярных армиях XVIII—XIX вв., государство XVII в. еще не обладало.

Но при этом чрезвычайно важно учесть, что наряду с общими интересами и стремлениями, которые связывали стрелецкую слободу и посад, имелись налицо и серьезные противоречия между ними. Податные льготы стрельцов, изъятие их из посадского тягла, их конкуренция в торгах и промыслах с посадскими людьми, их служба с ее полицейскими функциями,— вот что отделяло их от рядовой массы «черных» людей в городах и порождало враждебные чувства и столкновения. Эти же обстоятельства создавали в стрелецкой среде узко-корпоративные стремления, желание сохранить свои привилегии в ущерб интересам остального населения городов, сохранить старые формы своего устройства со всеми его выгодами. Отсюда та изолированность, в которой оказывались стрельцы в роковых для них движениях 1682 и 1698 гг. Отсюда — их реакционное противодействие начинавшейся Петровской реформе.

Реакционность стрельцов в конце XVII в. связана также с другими факторами, которые следует иметь в виду, выясняя причины наступившего для них краха. О них автору настоящей статьи пришлось уже говорить в другом месте¹. Здесь ограничимся лишь краткими замечаниями:

1. Военно-технические и тактические изменения, происходящие на XVII в., а именно, замена фитильного ружья кремневым, — а с этим связано и начало линейной тактики — упрощали требования, предъявляемые к стрелку, как таковому (а им то прежде всего и являлся стрелец), но зато требовали солдата, непосредственно тренируемого и муштруемого в различных боевых построениях².

2. Сдвиги и размещения военных сил Русского государства к концу XVII в. разбивали старые стрелецкие слободы и больно отзывались на стрелецких промыслах и торговле.

Стрельцы и сделали безуспешную попытку удержать безвозвратно уходящую старину.

¹ «Вооружение стрелецкого войска», Труды ГИМ, т. XX

² См. об этом у Энгельса в его статье «Пехота», («Избранные военные произведения», Воениздат, 1940, том I, стр. 162—170).